

АЯЗ МАМЕДОВ

Встреча

Рассказ

За долгие годы я впервые покидал Азербайджан. Возраст берет свое, и у меня, как и у многих, возникли проблемы со здоровьем. Врачи настоятельно рекомендовали выехать на «воды». Не знаю, будет ли мне какая польза от этого лечения, но, тем не менее, я все-таки купил путевку и вылетел в Эссентуки. В аэропорту Бина ко мне, поздоровавшись, подошел человек, лицо которого мне показалось очень знакомым, но где и при каких обстоятельствах я с ним встречался, припомнить не удавалось. Поняв, что я не могу вспомнить его, он, представившись, сказал: «Подполковник Бабаев Азад. Вы меня не помните, а я вас никогда не забуду». Я вспомнил его, и, извинившись, спросил: «Кого-нибудь провожаешь, Самедыч, или сам куда летишь?» Оказалось, что летим мы одним рейсом до Минвод. Пройдя регистрацию, таможенный и пограничный контроль, мы наконец-то уселись в свои кресла. Мы говорили и говорили, вспоминая годы армейской службы. Обсуждали причины наших неудач в войне. А на главный вопрос – «Почему?», который висел в воздухе, но так и не был задан, в общем-то, напрашивался ответ: «Мы так и не научились ненавидеть врага. Во многом мы схожи, много у нас общего, и очень многое нас связывает. Однако благодаря этой войне у нас, азербайджанцев, стало возрождаться национальное самосознание». Самолет, набрав высоту, перешел на ровное гудение двигателей, а мы, как давние друзья-товарищи, рассказывали друг другу о том, как у нас складывалась жизнь после так и не закончившейся войны. Так, за разговором, шло время, а я вспоминал события тех, уже далеких дней.

Летом 1992 года на Агдаринском направлении фронт дал трещину. Армянские силы были смяты и беспорядочно отступали. Азербайджанские части вышли к Сарсангскому водохранилищу, откуда рукой подать до Ханкенди, но почему-то остановились, прекратив развивать наступление. Позже говорилось, что поступил приказ о прекращении наступления, хотя кто отдал такой приказ, установить не смогли. Командиры утверждали, что приказ поступил от Министра обороны, а сам Р.Газиев наотрез отказывался от этого. Передовая часть, не получив поддержки ни справа, ни слева, была вынуждена отступить, и теперь уже наши войска беспорядочно отходили. Короче, план наступления провалился. Но рассказ мой не о том, а о событиях, последовавших после этого. В этих боях было взято в плен много армянских солдат, попавших в окружение. Часть из них привезли в расположение батальона самообороны, где раньше дислоцировалась советская воинская часть. Мне не приходилось бывать в этом военном городке в мирное время, и когда я приехал сюда в первый раз, то обратил внимание на чистоту и порядок в нем. Складывалось впечатление, что я в обычной воинской части советских времен. Это было тем более заметно и потому, что во многих расположениях БСО подобного порядка я не встречал. Трудно было поверить, что батальоном командовал не кадровый военный, хотя я знал, что у командира в заместителях – офицер, подполковник Бабаев А.С. В те дни каждый командир батальона

самообороны считал себя чуть ли не Главкомандующим, а здесь командир прислушивался к мнению своего зама, уважал его за профессионализм, ну и конечно, не дай Бог кому-то неуважительно отнестись к нему. Что греха таить, к нам, к кадровым военным, после января 1990 г относились если не с предубеждением, то, по крайней мере, с подозрением. Здесь же чувствовалось полное взаимопонимание. Сам командир пользовался уважением, непререкаемым авторитетом, и авторитет своего заместителя поднял до должного уровня. Почему я так подробно остановился на личности командира, вы, уважаемый читатель, сейчас поймете. Звали этого человека Лоты Али (блатной Али). Близкие, доверенные люди обращались к нему почтительно: «Гядяш» (в современном понимании – тот же блатной, а в истинном значении – старший брат), все остальные – Али-бей. Большую часть своей жизни Али провел в заключении, заработав там туберкулез, а за пять лет, как освободился после последней отсидки, он обзавелся семьей, растил сына. Поговаривали, будто «короновали» его в далекой Сибири, но сам он никогда не говорил о прошлой жизни, да и вообще не любил говорить о себе. Странно. Для людей его «профиля» – было чуть ли не долгом чести как можно больше рассказать о себе всяких небылиц, а этот не любил. Но если начинал говорить, то с ним было интересно общаться. Правда, такой винегрет получался – сочетание «фени» с литературным языком, азербайджанского языка – с русским. Да и по-русски он говорил хоть и с акцентом, но правильно. Было странно и непривычно видеть бывшего уголовника читающим. Я был приятно удивлен и не поверил своим глазам, когда впервые встретился с этим человеком. Он сидел за столом в командирском кабинете и читал. Что бы вы думали? В жизни не догадаетесь и не поверите. Это был журнал «Роман-газета», Анатолий Иванов, «Вечный зов». Интересно? Уголовник, хоть и бывший, из азербайджанской провинции, читающий «Вечный зов». Скептики, наверное, и сейчас скажут: «Не может быть», – и, тем не менее, это так. На мой вопрос: «Откуда это?», он просто, будто стесняясь своего увлечения, ответил: «Здесь в библиотеке полно валяется. От русских осталось. Вот взял – интересно». А уж как доставал он Бабаева, когда принимался за чтение общевоинских Уставов. Тот был готов бежать хоть на край света, лишь бы не слышать его вопросов: «А почему так? А почему эдак?» Но был вынужден терпеливо рассказывать и объяснять Али и значение для части Устава гарнизонной и караульной службы, и каков должен быть порядок в расположении части, в казарме, и т.д., и т.п. Так не служивший ни одного дня человек познавал воинскую науку. Он не любил пустопорожней болтовни, и главным для этого человека было слово чести. Для многих честь имеет свое, искаженное представление, а Али ни разу не отступился от данного слова, даже тогда, когда сам понимал, что сказанное им однажды может ему здорово навредить. До сих пор ходят досужие разговоры о том, что азербайджанцы, якобы, формировали целые подразделения из уголовников и направляли их в зону боевых действий. А сзади, чтобы уголовники не разбежались, шли заградотряды. Все это – ерунда. Не было у нас ни смертников-уголовников, ни заградотрядов. Действительно, многие, и я в том числе, не раз предлагали ввести систему заграждения, но наши предложения не нашли понимания по одной лишь, но существенной, причине. Азербайджан – маленькое государство, население которого так перемешалось, что в любом районе найдутся или родственники, или близкие люди. Так что Али, пожалуй, был единственным уголовником, которого я знал лично.

В тот день подполковник Бабаев, забрав данные о пленных, закрылся с машинисткой в своем кабинете, чтобы подготовить сопроводительные документы для от-

правки их в Баку. Все время, пока Азад готовил документы, он ощущал какую-то необъяснимую тревогу. Перед глазами возникал образ любимой женщины, уехавшей с сыном в 90-м году. В последнее время он часто вспоминал их, мысленно разговаривал с ней, но сегодня попытался отмахнуться от воспоминаний, как от назойливой мухи: «Отстань, не до сантиментов сейчас. Почти сто человек оформить надо», – незлобиво думал он. А ее образ все не уходил, представляя перед глазами то веселым и радостным, то с тоской и укоризной во взгляде. Девушка-машинистка автоматически щелкала по клавишам машинки, а он так же автоматически читал ей данные о пленных. Вдруг Азад осекся, замолк, словно с разбега натолкнулся на камень. Он побледнел, на лице выступил холодный пот, а лист бумаги, который он держал в руках, мелко задрожал. «Что с вами, Азад-бек?» – только и успела спросить девушка, а он уже убежал из кабинета. Он бросился в сторону автопарка, где содержались военнопленные. Там его глазам предстала картина: группа молодчиков, окружив нескольких пленников, избивают их, передавая от одного к другому. Азад ворвался в круг, матерясь, с яростью стал наносить удары. И армяне, сбившись в кучу, и азербайджанцы опешили, с удивлением смотря, как подполковник с остервенением наносит удар за ударом. Из группы пленников выскочил паренек лет девятнадцати-двадцати, попытался встать между дерущимися, уговаривая: «Не надо, дядя Азад». Парню тоже попало под горячую руку, но он так и не отстал от них. Мы с командиром подбежали к парку, когда военнопленных уже закрыли в боксе, а дерущихся разняли.

Бойцы все еще никак не могли понять, какая муха вдруг укусила их подполковника? А командир рассудил все по своему: «Отныне ни одного военнопленного никто пальцем не тронет. Хотите драться – деритесь в бою. Бить безоружного, не смеющего дать отпор – не позволю». На этом инцидент был исчерпан – для солдат, но разговор с Азадом имел продолжение на повышенных тонах. Придя в кабинет, командир строго спросил заместителя:

– В чем дело? Что это ты себе позволяешь?

Еще полностью не остыв от драки, Азад в возбуждении ошарашил нас:

– Командир, разреши отпустить Бабаяна Азата!

– Как это отпустить? Куда отпустить? Ты в своем уме?

– Я никогда ничего не просил, а сейчас прошу! Я готов остаться вместо него.

– Да что тебя так «плющит»? Кто он тебя: кум, сват, брат, или еще кто?

– СЫН.

– Как сын? Что ты несешь, какой сын, чей сын?

– Мой. Это долгая история, но поверь, Али-бей, я не шучу.

– Да уж какие тут могут быть шутки? А хоть представляешь себе, как это будет выглядеть? Да узнай кто, – чуть поостыв и посмотрев в мою сторону, сказал Али, – с нас Сурет три шкуры спустит.

Я вмешался в разговор, заявив, что если это касается меня, то я ничего не знаю.

– Да при чем здесь вы? – в сердцах сказал Али бей. – Кроме вас в батальоне три сотни бойцов. Иди пока, Азад. Я подумаю. Не надо вносить его фамилию в списки.

Понурился, подполковник вышел от командира и пошел в свой кабинет. Работа не шла. Девочке приходилось перепечатывать листы по два-три раза, но она, понимая, что что-то неладное происходит с подполковником, не роптала. Тем временем в кабинете командира мы обсуждали возникшую ситуацию, думали, как можно выйти из положения, ведь о количестве пленников уже доложено. Командир приказал привести к нему военнопленного Бабаяна А.А. Минут через пятнадцать-двадцать в ка-

бинет ввели молодого человека, совсем еще мальчишку, в разорванной «афганке», с кровоподтеками на лице, чуть прихрамывающего, какими-то неуловимыми чертами похожего на заместителя. В нем не было бравады и той беззаботной удалы, какие бывают присущи юношам его возраста, но в глазах не было и страха. Было видно, что он осознает свое положение, положение военнопленного, и не ждет снисхождения, даже притом, что здесь совершенно случайно повстречал близкого друга своих родителей, почти родного человека. Али-бей разрешил парню сесть и стал расспрашивать его о жизни, где родился и вырос, где сейчас живет, как и при каких обстоятельствах познакомился с подполковником Бабаевым, и т.д.

И парень рассказал, что родился он неподалеку от Баку, на острове Артем¹. Там и детство его прошло. Что в 1986 году его отец, Бабаян Артур Геворгович, погиб в автомобильной катастрофе, а мама, Каринэ Суреновна, преподает русский язык в школе. Январь 1990 года в рабочем поселке острова Артем прошел относительно спокойно. Не было погромов, избиения армян и прочей вакханалии. Там ходили вдоль улиц разрозненные группы крикунов, а по обеим сторонам дороги собирались толпы зевак, и армяне в том числе. Они с мамой все же были вынуждены уехать из Азербайджана в Пятигорск, где и живут в настоящее время. В Пятигорске среди армян, особенно среди беженцев из Баку, хорошо поработали агитаторы, вербуя людей для защиты интересов так называемой «исторической родины». В этом году, сказав матери, что поехал поступать в институт в Саратове, парень улетел в Ереван, а оттуда в Гарабах. Мама не знает, что он в Гарабахе. В первом же бою попал в плен. Дядю Азада знает с пеленок. Он – друг детства отца и семьи, и хотя имя у парня армянское (Азат – землевладелец, феодал), но назван он в честь друга (Азад – свободный). Из его рассказа мы поняли, что парень запутался и что, хотя они с матерью и были беженцами, в нем нет ненависти, приехал в Гарабах он больше по романтике, чем из патриотизма. Командир приказал отвести пленного к старшине. Старшина с недовольством выполнил распоряжение командира. Парень умылся, побрился, был накормлен и заперт в бывшей «секретке». Командир вызвал к себе заместителя.

– Вот что, Азад. На ту сторону фронта пацана я не отпущу, но если сможешь увезти его к матери, возражать не стану. Вот только как ты сможешь армянина провезти через всю республику, не возьму в толк.

– Спасибо командир, до конца дней своих буду за тебя молиться. А вывезти я его смогу. Это моя проблема.

– Две недели тебе хватит?

– Думаю, даже много будет.

Подготовив соответствующие документы на случай, если по пути кто-то проявит бдительность (по дороге их действительно останавливали несколько раз), в тот же вечер, переодев юношу в гражданскую одежду, Азад вывез его на своей «Ниве» в сторону Баку. Всю дорогу они ехали молча, перекинувшись от силы парой-тройкой фраз. За четыре с лишним часа дороги у Азада перед глазами прошла вся его неустроенная жизнь. С Артуром Бабаяном их связывала многолетняя дружба. В далеком детстве, когда родители привели ребят в первый раз в школу, их по иронии судьбы, а может быть, ради шутки, посадили за одну парту – Бабаева с Бабаяном. Мальчишки, как и все их сверстники, были изрядными шалунами. Часто доставалось им от учителей, когда мальчишки бедокурили. Хулиганил Артюша, доставалось Бабаеву, хулиганил Азад – наказывали Бабаяна. А классные шутники прозвали друзей «Бабабаяновы».

¹название острова Пираллахи в советские годы

У обоих мальчиков и судьбы были схожими. Обоих воспитывали только мамы. У Азада отец умер, когда ребенку было всего пять лет, а у Артюши – когда ему не исполнилось семи. Ребята, закончив восьмилетку, ушли из школы, чтобы пойти работать, но оба пришли в ту же школу, только в вечернюю. Днем работали в газокompрессорном цехе, а вечером учились в ШРМ (школа рабочей молодежи). Как-то знойным летним воскресным днем друзья решили пойти на море. Оседлав свои старенькие велосипеды, они поехали к скалам. Уже проехав значительную часть пути, ребята нагнали двух девчат, идущих в том же направлении. Остановившись, они разговорились с девушками, познакомились и предложили подвезти их к морю. Девчонки не отказались и, усевшись на задних сиденьях, поехали с друзьями на Кожемякины скалы. После поездки к морю развезли они подруг по домам, но эта встреча положила начало большой любви, такой, которую не всем Бог дает. Прошли месяцы. Азад и Карина уже не могли обходиться друг без друга, и в любое свободное время были рядом. Все было в их отношениях хорошо, вот только мать Карины, Нора, никак не могла смириться с привязанностью дочери. Время от времени срывалась она на нее:

– Ну что ты нашла в этом турке? Смотри на Артура, чем не пара. Да и любит он тебя.

А Карина свое:

– Никто мне не нужен.

Артур с Леной тоже встречались, но ничто их не связывало. Его больше тянуло к Азаду с Кариной, и ребята видели, что Артюша стал явным воздыхателем Карины. Видели, и относились к этому с пониманием, только изредка подшучивая над ним. Тем временем парни окончили школу и решили пойти по стопам отцов. Артур хотел стать моряком, а Азад военным.

Весна выдалась буйной. Пышным цветом цвели сирень и акация, а молодежь искала выхода энергии, накопившейся за зиму. Эта весна становилась точкой отсчета взрослой жизни. Они были покорены, подавлены неизбежностью; он – ее лаской и нежностью, она – его притягательностью и мужской властью. Невольно вспоминаются стихи Асадова: *Не вычеркнуть из нашей жизни прочь, | ту ночь, | Что стала мно- гому причиной. | Ты стала женщиной в ту ночь, | И в ту же ночь я стал мужчиной.*

Так и наши влюбленные отдали себя во власть любви. Им хотелось огромного счастья, всего и немедленно. То нежно, то страстно целуясь, находясь вне времени и пространства, они дарили счастье и всепоглощающую любовь друг другу. Не знали еще тогда Азад и Карина, что эта их первая незабываемая ночь любви, долгие годы будет сниться им обоим, а разлука попутчицей пройдет через всю их жизнь.

На следующий день Карина провожала Азада в Ленинград, а через некоторое время с радостью поняла, что станет матерью. Артюшка тенью ходил за Кариной, ведь только ему она смогла рассказать о своем счастье, и ему же с огорчением говорила, что от Азада не пришло ни одного письма. Когда положение Карины стало заметно, а приступы тошноты стало все труднее и труднее сдерживать, Артур, взяв букет цветов, пришел в дом Севумянов просить руки их дочери. Свадьбу, чтобы скрыть позор, сыграли скромную, а Азад так и не приехал на каникулы ни зимой, ни летом. Мама сообщила ему, что Карина вышла замуж за его лучшего друга. Только получив, лейтенантские погоны, Азад впервые за четыре года приехал в родные края. Ему хотелось, чтобы мама смогла с гордо поднятой головой пройти по улицам, держа его под руку. А еще ему хотелось посмотреть в глаза своим бывшим близким людям и, пожелав им счастья, уйти навсегда. Взяв соседский мотоцикл, Азад поехал без всякой

цели по улицам родного острова, а колеса привели его к дому любимой. Во дворе дома, наслаждаясь вечерней прохладой зорко наблюдая за сыном, игравшим в песочнице, сидели Карина и Артур. Завидев Азада, Карина забрала мальчика и скрылась в подъезде дома. Артур медленно подошел к Азаду, протянул было руку, но вдруг, передумав, крепко обнял друга.

– Разреши поговорить с ней.

– Нет, сначала со мной!

Артур, ничего не скрывая, все рассказал ему, и единственное, о чем попросил, чтобы сын не узнал, что он не родной его отец. Оставив малыша дома, Карина спустилась к мужчинам, а Артур из приличия отошел в сторону. Она, с укоризной и обидой обратившись к Азаду, спросила:

– Почему ты не писал мне?

От возмущения у него перехватило дыхание:

– Как это не писал? Да я каждый день отправлял тебе по два письма. Это ты не ответила ни на одно из них.

Карина, поняв все, вдруг заплакала и обняла Азада. Уходя, Азад попросил разрешения иногда навещать их, когда будет приезжать в отпуск. Он обещал никогда не нарушать покой в их доме. Дома у Карины с матерью был серьезный разговор. Мать призналась, что все письма, приходившие от Азада, она перекупала у почтальона и тут же, разорвав на мелкие кусочки, выбрасывала в мусорный бак. Только находясь на смертном одре, мать подозвала Карину и тихо прошептала: «Прости». В каждый свой отпуск Азад непременно навещал близких ему людей. Видя, как Азад балует малыша, закидывая его игрушками, как играет и сам весело заливается смехом, Артур испытывал нечто похожее на ревность. Но он отгонял от себя это чувство, уверенный, что Азад скорее умрет, чем нарушит данное им слово.

Азад так и не женился, а на слова матери, Зулейхи ханым, что пора жениться, обзавестись семьей, он неизменно отвечал:

– У меня есть семья!

1990 год разорвал невидимую нить, связывавшую Азада с семьей Бабаян.

«Нива», надрываясь редуктором, прошла через весь город, и они, свернув на габлинском повороте, выехали на артемовскую трассу. Азат дремал на заднем сиденье, пока машина не стала подпрыгивать на асфальте ближе к поселку Гала. Дорогу испортили танками в 90-м, когда колонна маршем прошла в Баку. Начиная от артемовской дамбы и до самой остановки у дома Азада Азат, приникнув в ночной темени к стеклу машины, не мог оторвать взгляда от с детства знакомых родных мест. На глаза навернулись слезы, и он только и смог спросить: «Почему, дядя Азад?» А что он мог ему ответить? Поздней ночью Азад переполошил мать, разбудив ее. Зулейха ханым, перепугавшись из-за позднего приезда сына, открыла дверь и тут же запричитала:

– Что случилось, сынок? Почему так поздно? Ты здоров, не ранен? А кто это с тобой?

– Все нормально, мама. Видишь, я жив и здоров, а это Азат, сын Артюши, – как-то с нажимом на последние слова, сказал Азат.

Зулейха ханым, узнав парня, обняла, поцеловала его и повела в кухню. Сразу же стала накрывать на стол, а сама все расспрашивала его о матери, о том, как он встретился с Азадом, да и вообще, как он оказался в Баку. Было заметно, что Азату трудно говорить на эту тему, но он не мог обмануть пожилую женщину, и честно рассказал ей, как Азад вывез его из плена. Она, слушая, только приговаривала:

– Вай, Аллах! Вай, Аллах!

Пока парень рассказывал бабушке свою историю, Азад не прекращал курить одну сигарету за другой, а позже, когда на столе дымилась ароматная яичница с помидорами, попросил у матери водки. Выпив почти полный стакан, немного поковыряв в тарелке, он сказал:

– Завтра, иншаллах, отвезу Азата к матери.

Зулейха ханым просила, чтобы они хотя бы два-три дня погостили дома, но, поняв всю бесперспективность своей просьбы, ушла в комнату стелить постель. Азад так и не смог уснуть, лишь изредка проваливаясь в тревожную дрему. На следующий день, приготовив каких-то отваров из трав, Зулейха ханым принялась лечить внука, пытаясь убрать следы кровоподтеков с лица. А вечером, собрав кое-какую снедь, проводила гостей в путь.

Дорогу они прошли без приключений. Позади остались около полутора суток пути, они давно проехали Махачкалу и Нальчик, и только на въезде в Пятигорск Азад разбудил сына, чтобы он указывал дорогу к дому. К вечеру «Нива» остановилась возле калитки небольшого садика. Карина, такая же красивая, как в юности, только чуть раздобревшая, поливала цветочную клумбу. Услышав, что неподалеку остановилась машина, а следом раздался скрип открывающейся калитки, она повернула голову на звук и выронила лейку. По дорожке к ней спешил улыбающийся сын, а чуть поодаль шел хмурый Азад. Обняв сына, Карина вдруг все поняла без слов. Оставив недоумевающего сына, она, разрыдавшись, крепко обняла Азада и стала целовать его. Он, осторожно поглаживая ее голову, беззвучно шевеля губами, повторял: «Карочка, Кара, моя кара». Из глаз мужчины скатилась скупая слеза, а когда к ним присоединился сын, Азад, уже совершенно не стыдясь, не смог их сдерживать. Эту ночь Азад наконец-то провалился в глубокий сон. А на следующий день, едва раскрыв глаза, он увидел молча сидящих, как у больничной койки, и смотревших на него самых дорогих в его жизни людей – любимую женщину, жену, и единственного сына. Они счастливо улыбались ему, и первое, что он услышал, проснувшись, было:

– Доброе утро, отец.

Пока Азад спал, Карина рассказала сыну об их любви, пронесенной через всю жизнь. Про дружбу Азада и Артура и о том, каким благородным был Артур, ни разу за всю жизнь не укоривший Карину.

«Уважаемые дамы и господа! Наш самолет приземлился в международном аэропорту Минводы».

...Быстро пролетело время, и я с тоской подумал, что так и не узнаю продолжения истории жизни этих замечательных, ставших для меня такими близкими, людей. Через минут тридцать-сорок, мы, пройдя надлежащую процедуру при пересечении границы, получив багаж, выходили из терминала. Из толпы встречающих в нашу сторону побежал мальчонка лет семи с громким криком: «Дедушка приехал! А почему няня Зуля не приехала?», – он бросился на шею Азаду и крепко поцеловал его.

– Это мой внук, Артюша. А этого парня, вы, наверное, помните. Будьте знакомы – мой сын, Азад.